

НАША СТРАНА

Год издания 37-ой — Буэнос Айрес, суббота 29 сентября 1984 г. "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 29 de septiembre de 1984 No. 1783

МЫСЛИ В СЛУХ

ДВЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Во время своего недавнего посещения Аргентины, Генри Киссинджер сделал ряд весьма интересных общеполитических комментариев. В беседе с известными журналистами Мариано Грондона и Бернардо Неустадт, в программе "Новое время" в 13 канале аргентинского телевидения, Киссинджер 18 сентября с. г., между прочим, весьма оригинально ответил на вопрос, почему социализм продолжает распространяться в мире, несмотря на его повсеместный экономический провал.

Киссинджер отметил, что, действительно, социализм плох как экономическая система. Но, несмотря на это, социализм весьма пригоден как система для захвата власти (и для удержания власти, можно было бы добавить). Согласно Киссингеру, социализм употребляется интеллигенцией как удобное средство для достижения власти. Интеллигенция, добавил он, весьма хочет добиться власти, так как она мечтает "научить" (силой?) народ своим "мыслям".

Таким образом, согласно Киссингеру:

1. Социализм не имеет никакого отношения к экономической науке.
2. Социализм не является идеологией пролетариата, а идеологией интеллигенции.
3. Эта идеология "берется на вооружение" той частью интеллигенции, которая стремится к власти для насильственного осуществления своих беспочвенных домыслов.

На самом деле, почвенная часть интеллигенции, или вернее настоящая интеллигенция, не стремится к уничтожению исторических идеалов, идей и нравов своего народа и к насильственному насаждению всяких беспочвенных идеологизмов. Больше того, почвенная часть интеллигенции, в силу своего объективного подхода к исторической действительности, в состоянии также учитывать и те общие естественные наклонности и стремления всех людей, которые в сильной степени определяют экономическое (хозяйственное) поведение человека. По сему, интеллектуальная почвенность также обеспечивает и более научный подход к экономической действительности, вместо всяких абсурдных идеологических фантазий на эту тему.

И, наконец, необходимо отметить, что настоящая миссия настоящей интеллигенции заключается в служении народу, а не в стремлении власти над ним, да еще во имя отчужденных от действительности идеологий.

И. А.

АЛЕКСЕЙ ШАШИН

ПЕРСПЕКТИВА ЦАРЯ

"Единственно правильное мировоззрение"...

Под таким заголовком в журнале "Страна и мир" № 4 за 1984 год напечатан очерк писателя Владимира Войновича. Писатель этот из новых эмигрантов, лишен советского гражданства за диссидентство. Никак никто никогда не считал его монархистом, да он никогда им и не был. Но каждый писатель только тогда является национальным, когда он, не в кривом, а в правильном зеркале отражает жизнь своего народа. Порой он описывает явления, которым не сочувствует, однако описывает их "правды ради".

Таким именно является и писатель Владимир Войнович.

Очень многие, здесь за рубежом, считают, что в СССР нет монархистов. Нет потому, что нет возможности возврата монархии.

Но вот, что пишет Владимир Войнович в своем очерке:

"... Я оказался в одной интеллигентной компании. Сидели на кухне, пили чай, и как говорится обсуждали все... Одной из собеседниц была экспансивная и храбрая молодая женщина. Она уже отсидела срок за участие в каком-то самиздатском журнале, ее, кажется, собирались посадить во второй раз, таскали в КГБ, допрашивали, она вела себя смело, дерзала следователю и не дала никаких показаний.

Теперь о событиях столетней дав-

ности она говорила так же возбужденно, как о допросе в Лефортовой тюрьме:

— Ах эти народовольцы! Эта Перовская! Если бы я жила тогда, я бы ее задушила своими руками.

— Вы на себя наговориваете, — сказал я, — Перовскую вы бы душить не стали.

Женщина возбудилась еще больше.

— Я? Ее? Эту сволочь? Которая Царя-батюшку бомбой... Клянусь! Задушила бы.

— Да что вы, — сказал я, — ... Вы не только не стали бы душить Перовскую, а вместе с ней кидали бы в Царя-батюшку бомбы.

— Я? В Царя-батюшку? Бомбы? Да вы знаете, что я убежденная монархистка?"

И еще в том же очерке:

"В Москве и сейчас живет литератор, с которым мы дружили лет двадцать. "Если бы ты читал Ленина, — назидательно говорил мне мой друг, — ты бы все понял, потому что у Ленина есть ответы на все вопросы..."

Шли годы, мой друг не стоял на месте, он развивался. Портрет Ленина однажды исчез из кабинета писателя, его место заняла Роза Люксембург. Рядом с Маяковским появился Бертольд Брехт. Потом сменяя друг друга, а иногда соседствуя во временных сочетаниях, появились портреты Хемингуэя, Фолк-

нера, Че-Гевары, Фиделя Кастро, Пастернака, Ахматовой, Солженицына. Недавно висел Сахаров. Гарибальди продержался дольше других, может быть потому, что бюсты менять дороже.

Как-то мы поссорились.

Появившись в доме моего друга несколько лет спустя, я увидел, что декорации резко переменялись. На стенах висели иконы, портреты Николая Второго, отца Павла Флоренского, Иоанна Кронштадтского и других."

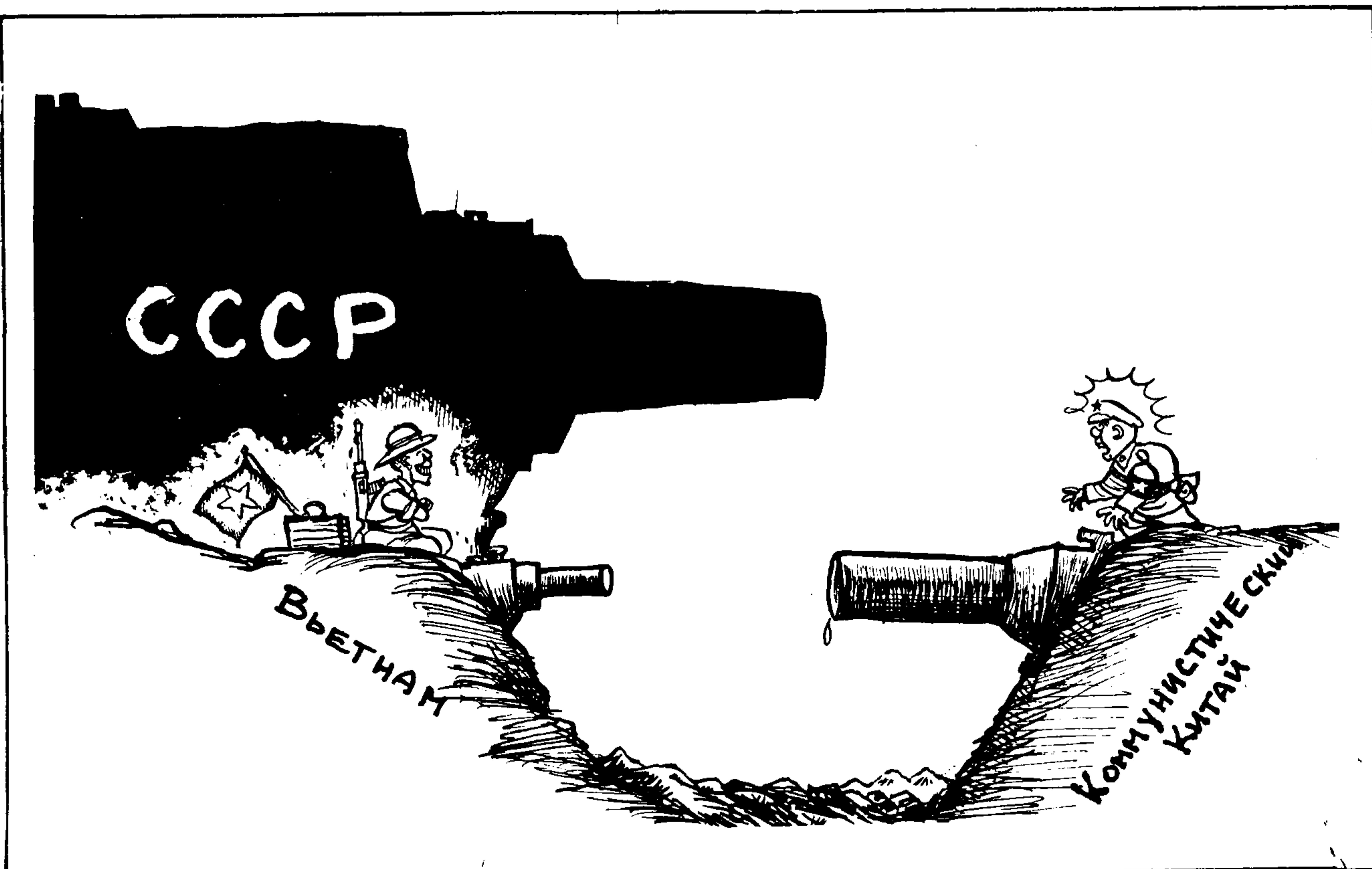
Далее Владимир Войнович отмечает: "Схема развития моего друга характерна для моего и нескольких предыдущих поколений. Бывшие марксисты и атеисты теперь пришли к православию..."

Чем же объясняет писатель такие перемены? Оказывается "модой". Он пишет: "Потому что сейчас модно быть убежденным монархистом". К такому выводу Войнович пришел потому, что сам он не разделяет идеи монархии. Но разделяет он ее или нет, а как писатель, вынужден признать, правды ради, что такое развитие идей ныне, "характерно для многих людей."

Особенно увлечена идеями монархии молодежь.

На нее все наши надежды и упования. Она, молодежь, сделает то, что не могли сделать ее отцы и деды.

АЛЕКСЕЙ ШАШИН

ГРИГОРЬЕВ

ВО ГНЕВЕ И В ПЕЧАЛИ

К О Н Е Ц Б И Б Л И О Т Е К И И М Е Н И Г О Г О Л Я В Р И М Е

В 1902 году, в 50-летний юбилей смерти Гоголя, русские в Риме основали читальный зал, чтобы почтить память писателя, прожившего здесь несколько счастливых лет. Так возникла Русская Библиотека имени Гоголя — своеобразный культурный центр, который особенно расцвел в послереволюционные годы, когда русских в Риме значительно прибавилось. Библиотека, впрочем была открыта для всех, кто интересовался культурой и жизнью старой России. И, разумеется, при подчеркнутой аполитичности (точнее беспартийности), была она организацией монархической, — как монархическим по своему составу было и примыкавшее к ней Русское Собрание, объединявшее цвет русской колонии в Риме. Библиотека располагалась тогда в прекрасной студии известного скульптора Кановы.

Значительную часть книжного собрания составляли драгоценные тома, альбомы, журналы, воскрешавшие славное прошлое Императорской России. Свято блюсти эти традиции, при полной независимости Русской Библиотеки не только от советского посольства, но и от итальянских властей, дабы сохранить это русское имущество для будущего — такова была идейная база этого культурно-монархического центра. Долгие годы его возглавлял князь С. Г. Романовский (между прочим, талантливый художник и писатель), олицетворявший собой монархическое начало в работе Библиотеки.

Шли годы. Количество русских эмигрантов в Риме уменьшалось: умирали, уезжали, старели. И никто, даже из самых преданных монархистов, — из тех, у кого были в Италии дворцы и виллы — не подумал о том, что русскому центру — Библиотеке имени Гоголя — нужно помещение. Как случилось это и во многих других странах, недвижимое имущество богатых эмигрантов, умиравших в Италии, автоматически переходило в собственность государства.

Тем не менее, в студии Кановы Библиотека благополучно просуществовала чуть ли не до конца 60-х годов, когда хозяин помещения стал ее решительно вытеснять. И вытеснил (теперь там не то гараж, не то какой-то склад). Не приди на помощь Библиотеке, влюбленный в русскую культуру состоятельный и щедрый американец, печально кончилась бы уже тогда история независимого Русского центра в Риме (как то случилось с другим таким центром в Италии — в Меране). Нашли новую квартиру — в аренду, разумеется, и на этом успокоились. Время — начало 70-х годов. Тут как раз хлынула на Запад так называемая "третья волна". Поток шел — через Рим — в Америку, заокеанские страны. Интеллектуалы по анкетным данным, новые эмигранты нагрянули в Русскую Библиотеку, гордо и смело раскрывшую им свои двери. Тогда-то и поползли первые нехорошие слухи о Библиотеке Гоголя: стали говорить о пропажах, и даже прямо о краже книг; кто-то видел, как продают книги с библиотечными штампами и т. п.

Директором Библиотеки в то время был В. Н. Дюкин. Оттерев в сторону своего предшественника — Д. А. Цымлова, некогда известного книгоиздателя — новый глава со-

единил в одном лице должности библиотекаря и казначея. Не имея достаточной культуры, он обладал определенными административными данными; главное же — чувствовал себя единоличным хозяином. Постепенно и библиотечное помещение было записано на его имя, а там — и библиотечный счет в банке. Новоприбывшая публика легко нашла ключ к сердцу директора Библиотеки, любимым занятием которого было предаваться воспоминаниям за стаканом вина. Дюкин охотно показывал каждому желавшему книжные сокровища Русской Библиотеки, а потом разводил руками в недоумении: пропадают книги, исчезают альбомы, нет на месте старых журналов... Трудно сказать, было ли это всего лишь ротодейством директора-бонвивана, или же за этим стояло что-то иное. В мае 1974 года в члены библиотечного Совета — по рекомендации Дюкина — избирается А. П. Тимофеев, оставивший активную работу в НТС, но являющийся представителем издательства и книготорговли "Посева", перешедший к мирной торговле русскими книгами, преимущественно антикварными, и вообще предметами русской старины. Уже в июле 1974 года новоизбранный член вносит ценное предложение: пригласить желающих — жертвовать книги в Библиотеку, а также — составить список "дубликатов", дабы "обменивать при случае". Библиотека им. Гоголя получила ценного советника, а В. Н. Дюкин — незаменимого помощника.

Окружают Дюкина и какие-то странные личности из новоприбывших. Протокол заседания Совета Старейшин от 30-5-1975 г. бесстрастно отмечает: "вечером 18-го мая украдены две ценные иконы. Ключи были у Дюкина, но хранились в условленном месте, знакомом ему и техническому работнику Библиотеки Льву Абрамовичу Барантасу... После обмена мнениями и выяснения, что Барантас работал в церкви перед кражей оттуда икон и вообще проявлял к ним интерес с точки зрения их рыночной ценности, постановлено отклонить его просьбу о принятии снова на работу в Библиотеку".

Но постановление не выполнили, не отклонили. В протоколе от 4 марта 1976 года (почти год спустя) читаем об "увольнении Барантаса в связи с выяснившейся продажей им книг из Библиотеки отъезжавшим посетителям". Говорят, у этого Барантаса ныне в Риме — антикварная лавка, куда наведывается его друг А. П. Тимофеев... Несмотря на печальный опыт с Барантасом Дюкин попрежнему считает (цитируем протокол), что "гораздо целесообразнее нанимать временных помощников среди новых эмигрантов, часто очень усердных и знающих". Не будем называть имен этих "усердных" помощников — кое-кто из них сейчас успешно занимается книжной торговлей, в тесном контакте с Тимофеевым.

Неизвестно, приписать ли усердию новых помощников, или опытности доверенных членов Совета, но протокол от 25-5-1978 опять "подчеркивает необходимость не выдавать редкие книги на руки в виду их частой пропажи".

Пропадают, однако, не только книги. Исчез бесследно серебряный столовый сервиз, принадлежавший

Русскому Собранию, переданный в свое время Библиотеке, дорогая посуда заменена простым стеклом. Остался один сломанный медный самовар...

Все меньше становится старинных томов, но книжные полки не пустуют. Скажем, вместо числившегося по каталогу оригинального комплекта герценовского "Колокола" и сейчас можно видеть — советское фототипическое воспроизведение этого редчайшего издания. Избранный вице-директором некий Риччио — итальянец повествующий всем о своей бабушке, кончавшей Смольный институт в Одессе — начал выписывать советские журналы, и заполнять ими пустующие полки.

Но самую активную и целенаправленную работу вел неутомимо, упоминавшийся уже, Тимофеев. В "обмен" на ничего не стоящий хлам (эту новейшую "литературу" уже и тогда Библиотека имела возможность получать бесплатно), он получал от Дюкина "двойнички" — бесценных старых журналов, редких эмигрантских изданий — что неумолимо опустошало библиотечные фонды. В случаях крайней надобности дело не ограничивалось дубликатами.

В финансовых отчетах Директора Библиотеки все чаще стала фигурировать графа: "Оплачено по счетам "Посева". Что же сеялось столь обильно в Русскую Библиотеку, бывшую некогда монархическим центром? В основном, диссидентская макулатура и издания все того же "Посева" — по сильно завышенным ценам. Кто сеял, вернее, кто усиленно продавал? Да все тот же представитель издательства "Посев" в Риме — неугомный Тимофеев! Поистине, это был самый активный из всех членов Совета Старейшин. В то время, как все остальные в полном смысле оставались "мертвыми душами", он стопроцентно использовал свое положение. Годами приходили из самых разных стран мира (в последнее время — из Бразилии) бесконечные книжные пакеты — на адрес Библиотеки, но с инициалами Тимофеева: АПТ и для него лично. Чтобы не платить таможенный сбор. И вообще — избежать дорогостоящих формальностей. Затеял было АПТ и "научный обмен" с югославскими университетами — от имени Библиотеки им. Гоголя, но — в свой карман. Мог он также, к примеру, купить в советском магазине книги (со скидкой 30%), а затем перепродать Библиотеке. Очень предприимчивый господин, но место ли такому в Библиотечном Совете?

Шли годы. Старели члены бездействовавшего Совета Старейшин, вывозил машинами из Библиотеки свои пакеты неутомимый АПТ, продолжал всем жаловаться на непрекращающуюся пропажу книг все тот же беспечный Дюкин. И опять нагрянуло неизбежное: хозяин и этого помещения подал в суд на выселение. Суд постановил, чтобы помещение Библиотеки было освобождено не позднее 30 октября 1984 года. Новый директор Библиотеки Е. А. Вагин — известный читателям "Нашей Страны" русский националист и монархист — которому Дюкин, после двух лет болезни с великой неохотой, уступил свой пост, делал все возможное, чтобы получить помощь от Русской Зарубежной Церкви для со-

хранения русского имущества в русских руках. Бывший настоятель русской православной церкви в Риме отказался сдать в аренду флигель церковного дома (сейчас там расположены столярная мастерская и гараж итальянцев; остальные помещения тоже заняты и не-православными, и не-русскими). Члены приходского совета (двое из них — одновременно и члены библиотечного Совета Старейшин) проголосовали против предоставления церковного подвала для Библиотеки в случае ее выселения! Напрасны были ходатайства архиепископа Антония Женевского, не помогла личная заинтересованность Секретаря Синода Русской Православной Церкви Заграницей владыки Григория. Положение Библиотеки оказалось более чем критическим. Единственным разумным выходом представлялось — передать ее фонды какой-то другой русской организации, пусть и в другой стране, с тем, чтобы сохранить их для будущего. Такое предложение внес Е. А. Вагин на совещании Библиотечного Совета.

И вот тут-то и раскрылось истинное лицо Дюкина и Тимофеева, на словах пекущихся о благе Русской Библиотеки. С целью воспрепятствовать ее сохранению в русских (но не их собственных) руках, они решили отдать ее — итальянцам. Мобилизуется старый знакомый и клиент Тимофеева, некий профессор Колуччи (он отказался в свое время даже присутствовать на организованной в Библиотеке книжной выставке, посвященной Солженицыну, чтобы не портить отношений с советским посольством!) и названный выше, итальянский внук одесской бабушки, Риччио. Появляется некое лицо из министерства культуры Италии — для "инспекции" Русской Библиотеки, существовавшей 80 лет без этого министерства. Делается попытка объявить "историческим национальным достоянием Италии" русское имущество, иными словами, русские книги Русской Библиотеки, никогда не принадлежавшие итальянскому государству, не мозищие ему принадлежать, объявляются профессорами Колуччи и Риччио совместно с их пособниками (или — их вдохновителями?) — солидаристом Тимофеевым и "старым монархистом" Дюкиным, итальянским государственным имуществом.

Спешно и тайно собирается на квартире Дюкина собрание Библиотечного Совета с фальшивыми голосами. Смещают старого президента, избирают — Дюкина, а на должность директора Библиотеки — итальянца Колуччи. Итальянские профессора с помощью своих знакомых из полиции, взламывают 15 августа с. г. двери Библиотеки. Руководит "мероприятием" Тимофеев. Тождествуя кричит он фальцетом смещенному директору: "Теперь ты — никто!"

Следует ожидать, что вскоре в магазинах, торгующих старыми русскими изданиями, появятся книги со штампом "Русская читальня в Риме" или "Biblioteca Russa" (хотя существует достаточно способов и химических препаратов, выводящих на нет оттиски старых печатей и следы старых чернил!)

С. ГРИГОРЬЕВ

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

БЕДА И ЗЛО ЛИБЕРАЛОВ

В свое время, через ныне покойного бразилианского интеллектуала Густаво Корсао мне удалось "протаскать" правду цифр проф. Курганова (о числе жертв коммунизма в России) в большую прессу. Беда и зло либералов не столько в идеологической плоскости, за которую их чистит в "Мыслях вслух" И. А. — а в морально-жизненной. Они так же легко проходят мимо трупов 60 миллионов россиян, как и мимо своих голодающих и пьющих грязь сограждан. Правду надо у них "протаскивать", здравому смыслу вопреки.

Юрий Лихарев (Бразилия)

ОТВЕТ В. ШТРЕМЛЕРУ

Очень жаль, что В. Штремлер продолжает искажать действительность. На мою критику его необоснованных заявлений по поводу статьи В. Пирожковой — он не ответил ни словом; зато в пространной статье ("Н. С." №1777) обвиняет теперь меня в незнании положения первой и второй эмиграций.

Однако, все приведенные В. Штремлером факты мне известны по литературе — я не раз ссылаюсь в "Нашей Стране" на книги Сабуровой и Юрасова; читал я и книгу Б. Ширяева, изданную "Нашей Страной". Помимо того, мне и самому досталось от описанных В. Штремлером преград: 5 лет мне не давали американской визы, а во Франции права на работу у меня не было... Да и позже никакой "квалифицированной работы" (на что жалуется В. Штремлер) — у меня нет и быть не может. "Новая специальность", о которой я писал — это и есть приспособление хоть к какой-то работе на Западе.

В свою очередь посоветую В. Штремлеру ознакомиться хотя бы с письмом моего парижского коллеги В. А. Рудинского ("Н. С." № 1780) — вот он правильно ставит вопрос: лучше Запад, какой он ни есть, чем сталинские концлагеря и нищета. А что надо бороться за лучшие возможности на Западе — в этом В. Штремлер прав; ему и карты в руки.

Е. Кармазин (Франция)

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЛОНЕВИЧА

Еще есть люди, которые надеются, что Соединенные Штаты прозреют в отношении коммунизма. Если даже русская администрация, происшедшая из поколений и поколений правящего слоя, дошла до такой великой глупости — требовать отречения Царя Николая Второго от трона, одновременно рубя сук, на котором сама сидела, то что же ждать от американских политиканов, рожденных "делать бизнес" и участвовать каждые 4 года в межпартийных потасовках, при которых не хватает сил и времени для борьбы на международной арене?

И это не новость. Посмотрите сколь актуально предсмертное обозрение демократической политики, совершенное И. Л. Солоневичем в "Нашей Стране" № 172, от 20-го апреля 1953 года (за 4 дня до кончины) в статье "Отец по наследству":

"В нашей критике демократической политики мы склонны забывать о том, что эта политика, в самых основных чертах, определяется *мещанством*. Эллинская поговорка гласила: "Платон — мой друг, но истина мне дороже". Сегодняшняя интерпретация этой поговорки звучит приблизительно так: "Великие идеи очень хороши, но чековая книжка все-таки дороже". Мы к этому не привыкли, а приходится привыкать. Нужно бы вспомнить и о том, что политика "свободного мира" по адресу Советов с очень большой степенью точности повторяет его же политику по адресу Гитлера. Возмущаться этим не стоит: это в порядке вещей. Но это нужно иметь в виду. Момента слабости советской власти "свободный мир" не использует, как в свое время не использовал моментов слабости Гитлера. Демократическая политика есть всегда лоскутная политика, робкая, противоречивая и не дальновидная. Это нужно принять, как факт".

Лидия Соломаха (США)

ТЕХ ЖЕ ШЕЙ...

В. Зарубин в "Н. С." № 1766 благосклонно отозвался о солидаристах. Странно... Если он не брал в руки № 4 "Посева" за 1982 год, то пусть возьмет его и обратит внимание на раздел "Дискуссионная трибуна. Основы обновления народного хозяйства. Проект альтернативных решений". Посмотрим, что они пишут, например, о сельском хозяйстве, что предлагают:

"Едва ли целесообразно начинать перестройку с перевода на рыночные рельсы гигантских зерносовхозов Казахстана" или: "Необходимо избежать дробление крупных производственных единиц" (то, бишь, колхозов). И тому подобное. Но ведь народ-то животной ненавистью ненавидит и совхозы и колхозы. Значит, применять надо насилие равное тому, что применяют большевики, чтобы сохранить эти укрупнен-

ные колхозы. Вот почему И. Л. Солоневич обронил фразу о "второй советской партии".

С такой платформой нельзя никак идти в освобожденную от большевизма Россию. Народ растерзает.

Сидят в кабинетах и упражняются в теоретических догадках. Ужас.

Игорь Замысловский (Мексико)

ЯЗЫК И "КАНЦЕЛЯРИТ"

Я совершенно согласен с Д. Карамышевым ("Н. С." № 1781). Нет в России советского языка. Нет и быть не может. Есть язык русский. Существует лишь советский жаргон, который Корней Чуковский прозвал "канцеляритом".

Корреспонденты "Правды" пишут на жаргоне "канцелярита". Но ведь "Правда" в СССР самая большая по тиражу газета и самая нечитаемая народом.

Народ на "канцелярите" не говорит. Народ говорит на русском языке. Конечно и народ воспринял от режима, от эпохи, какие-то новые слова. Не было, например, слова "колхозник", а теперь оно есть. Но употребляется это слово, даже самими колхозниками в таком, например, смысле: "У старика было три сына: двое умных, а третий колхозник". И как бы "любимая партия" не хотела, в народе говорят: "Эх, ты! Колхозник!"

В этом же смысле употребляется слово "пропагандист", также звучит слово *коммунист*.

Совсем новое звучание получило слово "Белые". Имеется ввиду белая раса. Поликлиники для обкомовских работников называют: "поликлиника для белых". Есть "распределители для белых", "залы на вокзалах для белых" и прочее.

Поэтому, в частности, говоря о Белом движении, нам следует называть его Белогвардейским. Иначе нас в России не поймут.

И все это естественно. Вспомним

приказ Петра Первого: "... медики, интенданты и прочая сволочь строится на левом фланге". Сволочь не было позорным словом. Оно произошло от глагола сволокнать. Другое значение имело слово вор. И т. д.

Нет, я решительно отклоняю, что в России существует какой-то советский язык. Нет его и он никогда не будет. Это выдумки всяких геллеров.

Л. Трясин (Уругвай)

НЕ РЯВКАТЬ, А УТВЕРЖДАТЬ

Наша первейшая задача — не твякание на Нерусскость, но розыск и утверждение *истинной* Русскости... а для этого необходима аналитическая острота мышления.

Значит, нужно не твякать и не рявкать, или точнее, не *только* твякать и рявкать, но также утверждать свою национальную Красоту, свое национальное Добро и свою национальную Правду.

Если мы не знаем, что такое Русскость, то мы не можем также знать, что такое Нерусскость.

Ежели, напившись "Смирновки", мы начнем пускать пух из жидовских перин, то разве мы докажем этим свою русскость?

И ежели мы начнем бросать бомбы в еврейские синагоги, то разве арабы не делают то же самое?

Корень Нации — не в ненависти к чужому, но в любви к своему, к родному, исконному, древнему.

Надлежит любить статную Русь, надеяться на ее сохранение и умножение, верить в ее Будущее.

П. Журавлев (Германия)

СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ

От всей души поздравляю редакционную коллегию и всех сотрудников "Нашей Страны" с приобретением собственного помещения. Дай Бог и в дальнейшем преуспевания и улучшения в этой нелегкой, но всем русским людям нужной, работе. Когда, вернувшись после пятидневного отсутствия домой, я узнал про это из "Pro domo sua" ("Н. С." № 1770) сразу вспомнил девиз "смелость города берет!" В таких тяжелых условиях в стране, при полном оскудении средств к жизни, решение редакционной коллегии действительно смелое, и не может не радовать всех нас, читателей "Нашей Страны".

Ю. Вахтель (США)

ХРАМ БЕЗ КРЕСТА

В Лос Анджелесе все строится Спасо-Преображенский собор. Удивительно, что над остовом храма нет креста, хотя богослужения совершаются и прихожане долгие годы молятся в нем.

Неоднократные порывы прихожан воздвигнуть православный крест и соорудить центральный купол не увенчались успехом.

Строительство собора застряло в таком состоянии, когда по внешнему виду нельзя назвать его православным. Ну просто будто кто-то предвидит его продажу инославным.

Андрей Зайцев (США)

Что же происходит в Москве на верхах?

Седьмого сентября в Москве произошло важнейшее изменение — был уволен долголетний начальник Генштаба Н. В. Огарков. Его заменил С. Ф. Ахромеев.

Сообщения о том, что Огарков сконцентрировал в Москве большую власть приходят давно. Еще в 1981 г. после 26-го съезда в международной прессе сообщалось, якобы министр обороны Устинов болен, и его обязанности исполняет Огарков. А в журнале "Время и мы" за июнь 1984 г. Иосиф Косинский утверждал, что "первым кандидатом в советские военные диктаторы можно считать маршала Огаркова. Будет удивительным, если Черненко продержится до конца 1984 года".

Действительность оказалась иной — "дряхлый" Черненко легко сделал то, чего не могли Брежнев и Андропов, и теперь армию возглавляет, несомненно, верный сторонник генсека. Насколько известно, не Огаркова возложена ответственность за уничтожение южно-корейского самолета с 269 пассажирами. Утверждают также, что Огаркова обвинили в требованиях чрезмерных военных ассигнований, в ущерб народному потреблению.

Теперь вся власть — у Черненко. Уже объявлено о созыве внеочередного съезда партии (вероятно, в марте 1985 г.) и о пересмотре партийного Устава, а также программы. Как съезд, так и новый устав могут дать большие сюрпризы. Быть может, генсека будет избирать не ЦК, а съезд, как в Польше и Румынии. Могут быть приняты новые решения о Сталине. Вероятно, начнутся перемещения на самых верхах. Первым кандидатом на пенсию считается премьер-министр Тихонов (79 лет). Возможно, его заменит Устинов, а Ахромеев станет министром обороны.

БИБЛИОГРАФИЯ

Леонид Ржевский "Звездопад", Эрмитаж, США, 1984.

"Московские повести" (подзаголовки книги) Леонида Денисовича Ржевского состоят из следующих повествований: "Звездопад", "Паренек из Москвы", "Сентиментальная повесть", "Двое на камне", "Клим и панночка" и "Сольфа Миредо". Всего 267 страниц.

Эпического материала в этих повестях мало. Их перспектива — не "макро", а "микро". Тонкий психологический анализ, особенный литературный почерк, интригующая связь автобиографического материала, нанесенного на канву переживаний отдельных персонажей... Вот, оказывается, при наличии литературного таланта можно создать свой особенный стиль без того, чтобы прибегать к "нелитературным" уловкам ("лишь бы было пооригинальнее!").

Хронологический фон повестей — годы перед Второй мировой войной; топографические рамки — Москва и Подмосковье; среда — повествующий преимущественно от своего лица автор — литератор и лектор... Исключением из этого является рассказ "Клим и панночка", речь в котором идет о событии, связанном с продвижением советских отрядов по территории восточной Польши. Из этого рассказа приведу выдержку:

"Гнедая кобылка, прильнув к яблоневому стволу, носила боками, мелко дрожа всей кожей и всхрапывая алыми исподу ноздрями. Ага-гогий глаз дико косил на Клима, ухватившего мундштучные поводья... Пленница наша была красавица. При том — не одними только конскими статьями, но обобщенным, я бы сказал, выражением красоты, где бы ни встретила, — в лепке, в красках, в игре светотени, в тайном излучении гармонии и женственности. Да, тоже и женственности. Инфантерия духа может ржать надо мною сколько угодно, но под двумя парами разглядывавших ее глаз кобылка эта несомненно ощущала свою природную бабью суть: еще не кончив дрожать, переставила несколько раз точеные ножки; прижав одно ухо, перевела маленькую голову в некий выжидательный четверть-оборот (так ждут иной раз на балу приглашения на танец), и в выпуклом ее черном глазу — я готов был поклясться — сквозь испуг просачивалось теперь любопытство" (стр. 217-218).

Прочитав книгу захотел я определить ее язык, стиль. Пришло на ум слово "вальжный" в смысле "резной, точеный, красиво и прочно отделанный" (см. в словаре Даля).

Е. Валин

И смех и грех...

Открывая Олимпиаду 1980 года, Брежнев произносит:
— 0 — 0 — 0 — 0 — 0!
— Леонид Ильич, это эмблема Олимпиады. Текст приветствия ниже! — шепчет референт.

Политический Калейдоскоп

Согласно последним подсчетам Департамента Земледелия США, в этом году урожай зерновых в СССР достигнет всего лишь 175 миллионов тонн. Эта последняя оценка ниже на 5 миллионов тонн предыдущей, и ниже на целых 65 миллионов тонн официально запланированной в Советском Союзе цифры. Самый большой урожай в СССР был достигнут в 1979, когда было убрано 237 миллионов тонн зерновых. Но с тех пор, год за годом, идут плохие урожаи, несмотря на все усилия системы поднять свою сельскохозяйственную продуктивность. За последнее время, самый низкий урожай был в 1981-82 годах, когда было достигнуто всего лишь 160 миллионов тонн.

В прошлом году исполнилось пятидесятилетие страшного голода в России, вызванного коллективизацией сельского хозяйства. С тех пор, земледелие в нашей стране никогда не смогло оправиться, несмотря на все организационные и финансовые усилия системы. Дело в том, что сама система в корне порочна, и даже частичные реформы не могут значительно повысить ее производительности. Самый молодой член Политбюро, Михаил Горбачев (53 г.), вот уже несколько лет пытается провести частичные реформы в сельском хозяйстве, при сохранении — конечно — самой системы. Были предприняты меры для того чтобы уделить больше места для частной инициативы, в ущерб центральному планированию в сельском хозяйстве. Несмотря на положительное направление этих реформ, они слишком недостаточны, для того чтобы обезвредить злостную порочность колхозной системы, что и подтверждается, с точностью научного эксперимента, из года в год самой действительностью.

Сама "Правда" вынуждена окольными путями и с оговорками, в этом признаться. 15-го июля с. г. "Правда" обращает внимание на то, что нельзя оправдывать положение в сельском хозяйстве якобы объективными объяснениями, как-то плохая погода или стоимость технических капиталовложений. Согласно "Правде", дело в людях, которых надо воспитывать начиная с директора и кончая дояркой. Но также виновата и система, признается "Правда", которая заставляет, например, инженеров тратить 82 % своего времени на поиски запасных частей. Конечно, "Правда" имеет в виду не всю общую марксистскую систему хозяйства, как сельского, так и промышленного, а скорее чисто организационные неполадки.

За чужую систему расплачивается наша страна и наш народ. Согласно подсчетам Департамента Земледелия США, Советский Союз будет вынужден импортировать в 1984-85 около 46 миллионов тонн зерновых. Сами США поспешили обеспечить себе хорошие барыши на нашей плохой системе: президент Рейган предложил СССР увеличить продажу зерна на 10 миллионов тонн, для того чтобы достигнуть в общем 22 миллионов тонн.

Н. П.

ПЕЧАТЬ

ПОХАБНЫЙ ХОР

В "Континенте" № 40, в критическом эссе о Синявском, "В тени Достоевского", известный поэт, новейший эмигрант Ю. Иофе пишет следующее:

"Сообщаю безо всяких эквивалентов: мне лично Синявский крайне антипатичен — но не настолько, однако, чтобы тратить на него целую статью. Будь он неким уникумом, я бы просто посмеялся, может плюнул бы, пожалуй, даже пожалел бы его (ибо мне сдается, что все это — от комплекса неполноценности; бедняга!). Но в том-то и беда, что Синявский — "Голос из хора". А хор-то — довольно большой, массовый, причем весьма голосистый, подстать небызвестному советскому хору им. Пятницкого. Тут и Ефим Эткинд, и Лев Копелев, и — извините за выражение! — Эдичка Лимонов. Конечно, в хоре не без разногласий: Синявский и Эткинд поносят Россию, Лимонов поносит Америку, Копелев "с ученым видом знатока" потчует своих западных слушателей и читателей химически чистой чушью, беспримесной чепухой. Но весь этот разнобой не слишком существен, лейтмотив-то у всех один: дезинформация, перекос действительности".

Приводя некоторые высказывания Синявского, Иофе добавляет: "Зачем Синявский передергивает?" И приходит к выводу, что все это есть "ложь заведомая, целенаправленная".

В остальном, он деятельность Синявского характеризует так: "Чужое творчество Синявский использует не только как материал для исследования, но, попутно, и как средство саморекламы: "Внимание, господа! Фокусы, выкрутасы, ловкость языка! Коленца первый сорт! Только у меня!"

Со всеми этими оценками остается только согласиться.

В. Р.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

РЕЗОЛЮЦИЯ 294

Нам пишут из Вашингтона:

По ходатайству Веры Политис, председательницы Комитета по защите прав человека Конгресса Русских Американцев, сенаторы Ричард Люгар, Дан Ригал и Л. Левин внесли в Сенат США "Резолюцию 294" с требованием освободить Игоря Огурцова и разрешить ему выехать на Запад вместе с родителями.

Как известно, глава Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН), отбыв 15-летнее заключение в концлагере находится сейчас в ссылке за Уралом.

"Резолюция 294" была единогласно принята Сенатом США, который доведет до сведения советского правительства, что им принята резолюция, требующая освобождения Огурцова.

ПАВЕЛ ВЕЗИКОВ

Нам пишут из Мюнхена:

В городе Нарва осужден на 2 года концлагерей слесарь завода железобетонных изделий Павел Викторович Везиков. Его обвинили в распространении религиозной литературы — книги о Дмитрия Дудко "О нашем уповании", сборника "Из под глыб" и пр. Всего у него было изъято около 1000 экземпляров религиозной литературы.

ПРИНИМАЮ ЗАКАЗЫ
по покраске квартир и по мелкой починке, а также по содержанию сада.
Обращаться по телефону: 298-0445

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная демократическая ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год — 60,- долларов, на полгода — 35,- долларов, на 3 месяца — 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер тел. М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия — 0,80 ав. дол.; Германия — 1,80 н. м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0,80 ам. дол.; Аргентина — 18 песо. В остальных странах — 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980